

Опубликована 15.03.2013 в 16:55

Оперный певец Павло Балакин: для меня очень важна актерская составляющая (4)

Редактор:
Postimees.ru

Ученик Мати Пальма молодой бас Павло Балакин считает, что одного голоса для исполнения оперных партий мало, нужна ещё и актёрская составляющая. О том, почему так важно актёрское мастерство, а также о своих новых работах Балакин рассказал в интервью передаче «Батарей», передает rus.err.ee.

"Я — часть той силы, что вечно стремится к злу и творит добро" - так говорит о своём Мефистофеле молодой и очень перспективный бас театра Эстония Павло Балакин.

Почему любая музыкальная интерпретация Мефистофеля рассчитана на бас — на самый привлекательный и самый приятный для слуха голос? Между тем, в живописи и в графике Мефистофель — это всегда такое вертлявое существо — черт, дьявол, бес, а поёт он басом?

Если смотреть с практической точки зрения, то в 19-м веке композиторы писали оперы под определённых людей. Я не знаю точно, под кого писал свою оперу Гуно, но мне кажется, что он как чувствовал, что писал под Шаляпина. И когда я стал учить Мефистофеля, я обратился к записям Шаляпина, к его биографии, к

У вас такое характерное украинское имя. Как вы связаны с Украиной и с Эстонией?

Я родился в Донецке, где и получил джазовое образование. Одновременно с учебой я пел в хоре Донецкого оперного театра. И однажды, в 2004 году, к нам на фестиваль пригласили Мати Пальма — профессора Таллиннской музыкальной академии и нынешнего моего преподавателя. Он пел в опере «Набукко», а я в этой же опере - в хоре. Потом он дал ещё и сольный концерт. В то время я слушал оперные записи — Паворотти, Доминго, но они были от меня где-то далеко. А здесь человек у меня на глазах показал своим голосом казавшееся просто невозможным. И тогда я для себя решил, что когда закончу обучение на саксофоне, поеду к нему учиться в Таллинн.

Это было не так-то просто?

Это было очень тяжело.

Как вы попали к нему?

Сначала я приехал на две недели на мастер-классы.

До этого вы никогда не были в Эстонии?

Нет, тогда я приехал в Эстонию в первый раз, это было в июне 2008 года. И когда мы занимались с Мати Пальмом, он сказал, что у меня хорошие данные и что надо заниматься дальше. У меня уже к тому времени был хоровой репертуар. Я прошел прослушивание в Национальную оперу «Эстония», меня приняли в хор. И я начал заниматься у маэстро.

К чему вам было труднее всего здесь привыкнуть?

Честно говоря, я уже привык. В первое время было необычно — спокойный такой город, маленький, нет пробок. Я вырос в мегаполисе, и для меня это было очень странно, как такое может быть. В Донецке нужно было два часа, чтобы добраться на работу и на учебу, а здесь — 10 минут, и ты на месте. Мне это нравится. Для меня Эстония уже стала как вторая родина.

Трудно было выучить эстонский язык?

Трудно.

Вы хорошо говорите по-эстонски.

Я хорошо понимаю, говорю меньше. Нужно время и практика.

К чему вы сейчас готовитесь в «Эстонии»?

Следующая роль — роль ландграфа Германа в опере «Тангейзер». Помимо театра я участвую и в других проектах — роль Джеронимо в консерваторском экзамене с оркестром в спектакле «Тайный брак»

его книгам и у меня сложилось впечатление, что опера написана под него. Возможно, гении чувствуют друг друга даже через века.

Как вам работалось с Дмитрием Бертманом? О нем говорят, что он зрелищный постановщик, но мне кажется, что у него гениальное соединение оркестра и вокала. Как вы подходили к этому единству?

Мне очень понравилась в постановке его идея о том, что Мефистофель пришёл в этот мир делать зло, посмотрел вокруг и решил, что нужно делать добро, поскольку зло делают люди сами. И знаменитые куплеты Мефистофель поет не героически и смеясь, а плача - что вы, люди, умираете за металл, и что я ещё должен для вас сделать? И Фауст просит дать ему молодость не для того, чтобы что-нибудь сделать или что-то написать, а только для того, чтобы погулять. И Мефистофель начинает делать добро.

У Бертмана есть ещё и булгаковское прочтение темы?

Да, мне кажется, что это очень похоже. В каждом человеке существует добро и зло. И в каждом из нас есть и Фауст, и Мефистофель, а в каких пропорциях — это уже зависит от воспитания.

Вы в себе чувствуете те мефистофелевские корни, которые требуются для того, чтобы прозвучали куплеты?

Это моя роль, я её очень хорошо чувствую. Куплеты Мефистофеля — это такая ария, которую хочется так спеть, как никто и никогда до этого не пел. Эта ария исполняется очень часто и всеми, и чтобы публике было интересно, нужно найти что-то такое, что бы задело публику. Мой преподаватель — известный Мати Пальм, который на двух языках пел Фауста (на эстонском и на итальянском языках), говорит, что надо всегда искать что-то новое, потому что просто так, тем более в 21-м веке, выходить и петь куплеты, уже неинтересно. Нужно находить какие-то актёрские решения.

Вообще в этой опере есть много, не побоюсь этого слова — эстрадного. Как справиться и нужно ли вам было справляться с этой лёгкой эстрадностью, какой-то заезженностью не только в поисках драматического решения, но и вокального решения?

Что касается эстрадной музыки, то первое моё образование - эстрадное, я джазовый саксофонист. В эстрадной музыке актёрству уделяется не такое большое внимание, там не требуется такого глубокого подхода к тексту, показывается только голос. И танцы.

«Фауст» - действительно эстрадная опера, потому что там что ни ария, то хит. Арии всех персонажей этой оперы исполняются практически всегда на известных конкурсах. Сложность была не в том, чтобы не получилось эстрадно и заезженно, хотелось это выразить по-актерски, вдумчиво... Я очень хорошо знаю перевод французского текста, специально занимался с преподавателем. Когда понимаешь, о чем поёшь, всё ложится само собою.

Чимарозо. И самый главный для меня проект... Я очень люблю камерную музыку и мы сотрудничаем с замечательным пианистом Владимиром Игнатовым из Центра русской культуры. В июне прошлого года мы подготовили оперу «Моцарт и Сальери», а в июне 2013 года хотим представить оперу М. Мусоргского «Песни и пляски смерти» из вокального цикла «Без солнца» и посвятить это 140-летию со дня рождения Фёдора Ивановича Шаляпина.

Шаляпин — это второй ваш кумир?

Это, наверное, самый главный мой кумир. Это легенда. К сожалению, есть только одна запись - «Дон Кихот», я бы очень хотел посмотреть его в «Борисе Годунове». То, что я слышал по записям — это гениально. А как это выглядело на сцене, я даже представить себе не могу.

Говорят, что над ним однажды ужасно подшутили, когда после исполнения какой-то оперы некий человек с галёрки сказал басом ниже чем у Шаляпина «Браво».

Шаляпин вообще на бас.

Нет?

Да, я много о нем читал, у него был высокий баритон. Когда у него в Нью-Йорке в "Метрополитен" был дебют, то все думали, что приехал русский бас, что сейчас рухнут все стены, упадут лампы и люстры. А он вышел, спел Мефистофеля и потом в газетах написали, что никакой он не бас, что какой-то мягкий... Они не очень обращали внимания на игру. "Метрополитен" — это большой театр. Друзья ему сказали — здесь играть не надо, тут надо петь. «Иди и пой». А он был очень великим актёром. Я не думаю, что у него был такой стенобитный голос, как у русских басов, у Рейзена. Но говорят, что Станиславский свою систему переснял с Шаляпина.

Для вас в сегодняшней опере очень важна именно актёрская составляющая? Раньше мы вообще о ней очень мало говорили.

Когда я начинал учиться у Мати Пальма, я так не думал. Я думал, что нужно выйти, спеть, и голос всё решит. Оказывается, нет. Сейчас, когда я учусь уже 5-й год, начинаю понимать, что одного голоса недостаточно.

Желаю вам, чтобы вы справились со всеми этими проблемами. Желаю вам успеха.

Спасибо.

С Павлом Балакиным беседовала Елена Скульская